

гих нелегких обязанностей секретаря писателя. На вопрос: не утомили ли мы их, будучи в гостях, Мария Семеновна ответила: “Что Вы! Виктор Петрович, когда вернулся, проводив вас, сказал: “Ну, теперь и дальше жить стоит”.

Окрыленные, полные незабываемых впечатлений, мы вернулись в Томск в надежде на новую встречу: Виктор Петрович в ответ на наше приглашение посетить Томск неожиданно для нас ответил согласием: “А что? И приеду. Ближе к теплу”.

Мы верим, что эта встреча состоится.

Ф. З. Канунова

О МОИХ УЧИТЕЛЯХ

I

Я и мои сверстники имели счастье учиться в сороковые годы в Ленинградском университете, филологический факультет которого был одним из самых блистательных в мире. Там одновременно трудились М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов, А. А. Смирнов, Б. М. Эйхенбаум, Г. А. Гуковский, А. А. Орлов, М. К. Азадовский, И. Г. Ерёмин, В. Я. Пропп, Н. И. Мордовченко, Г. А. Бялый, И. Г. Ямпольский — и это ещё далеко не все. Сильнейшее впечатление уже на первокурсников произвели просеминарий по фольклору В. Я. Проппа (читал этот курс нам М. К. Азадовский) и лекции по введению в литературоведение Г. А. Гуковского.

В. Я. Пропп предложил всем студентам нашей группы для анализа одну былинку на тему “Бой отца с сыном” и поставил перед нами различные задачи, связанные с её многочисленными вариантами, сложной творческой историей, вариативным развитием сюжета, конфликта и т. д. Мы просиживали в Публичной библиотеке, где филологи, как правило, проводили всё свободное от занятий время, и создавали свои сочинения. Волнуясь, мы делали свои первые сообщения большому учёному, поражаясь его доброжелательности, простоте и глубине познаний. Я была обрадована тем, что В. Я. Пропп не только одобрил мой доклад, но и предложил мне специализироваться по фольклору. Мне уже тогда хотелось заниматься русской литературой XIX века и поэтому особый интерес у меня (как впрочем у всех студентов нашего курса) вызвали лекции Г. А. Гуковского по введению в литературоведение. Это было чуть ли не самое яркое событие в жизни студентов. На всю жизнь мы запомнили его блестящие импровизации, безграничную эрудицию, истинно филологическое умение мыслить широко, разносторонне, охватывая предмет во множестве его проявлений. Он прекрасно читал стихи, тончайше чувствовал поэтический текст, доносил его высокий эстетический и нравственный смысл до сердец слушателей. Всегда в своём анализе художественного произведения он доходил до тончайших клеточек поэтического слова. Мысля глубоко исторично и концептуально, он сосредотачивал своё внимание на стиле, видя в нём прежде всего проявление миропонимания художника.

Неизгладимое впечатление произвёл на всех нас, первокурсников, экзамен у Григория Александровича по введению в литературоведение. Вместо традиционных вопросов он предложил нам выбрать по вкусу одно стихотворение и на его анализе показать всё, что мы усвоили из курса.

Ю. М. Лотман, который учился с нами на первом курсе (с самого начала Великой Отечественной войны он ушёл на фронт), так

проанализировал “Осень” Е. А. Баратынского, что потрясённый профессор, не колеблясь, предсказал ему блестящее будущее: “Вы далеко пойдёте!” Другим студентам, и мне в том числе, не удалось так погрести любимого профессора. Он спокойно похвалил нас, поставил нам наши пятёрки и распростился с нами, к счастью, только до третьего курса.

Среди профессоров, эвакуировавшихся с университетом в Саратов в марте 1942 года, были Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум, М. П. Алексеев, Г. А. Бялый и многие другие. Это, несмотря на несчастья войны, было для нас огромным везением. Студентов в Саратове было немного. Концентрация на каждом из нас профессорского внимания была значительной. Мы могли многое взять у наших любимых учителей.

Г. А. Гуковский читал нам на третьем курсе историю русской литературы первой трети XIX века. Мы уже подросли, а если считать великие переживания, связанные с войной, то можно понять наше повзросление и возросшую серьёзность, с которой мы слушали Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Григорий Александрович в это время с огромным воодушевлением, истово, видя в своём труде большой гражданственный и нравственно-эстетический смысл, работал над созданием “Очерков” по истории русского реализма. На нас он проверял свои идеи о Пушкине и Гоголе, которые легли в основу его блестящих книг. Раскрывая свои концепции, Гуковский был глубоко историчен и современен, он говорил о том, что волновало человека сегодняшнего дня, что поднимало его духовно, эстетически, идейно. Это привлекало к его лекциям не только всех, имеющих отношение к филологии, но и физиков, математиков и биологов. На его лекциях аудитория всегда была переполнена. Его слова ощутимо передавали сам процесс мышления учёного, он приглашал нас мыслить и спорить с собой. Он не любил высоких кафедр, был демократичен, доброжелателен.

На всю жизнь я запомнила спецсеминар на 4-м курсе у Григория Александровича. Он строго относился к подбору студентов, сам приглашал их в свой семинар, и я была очень обрадована, оказавшись в небольшом числе студентов его семинара (наряду с И. М. Семенко и Я. М. Явчуновским). Григорий Александрович учил мыслить профессионально и самостоятельно. Как руководитель семинара, он всегда вовлекал своих учеников в решение сложных научных актуальных задач. Он давал темы, в которых, как правило, нужно было обязательно сделать своё открытие, внести свой вклад. Он ставил задачу чётко, раскрывая увлекательные перспективы исследования, и требовал заинтересованности и трудолюбия. Он не любил нянчиться со студентами, вести их за ручку, всегда повторяя, что “бросал своих учеников в воду: пусть сами учатся плавать”. О тех, кто не мог выплыть, как правило, не сокрушался.

Г. А. Гуковский неустанно повторял, что первый признак человека одарённого — умение развиваться, отказываться от своих ошибок. Все мы запомнили его афоризм: “Посредственность упорствует, способный человек, талант преодолевает свои заблуждения и совершенствуется”.

Никогда не забуду последние встречи с Григорием Александровичем, когда я в январе 1949 года, уже защитив кандидатскую диссертацию (а он был моим первым оппонентом) и получив направление в Томский университет, пришла попрощаться с ним. Это было тяжёлое время: начиналась борьба с космополитизмом, и настроение у Григория Александровича было грустное. Узнав, что я еду в Томск, он

охотно рассказал мне о Н. Ф. Бабушкине и М. И. Мальцеве, которые работали в ТГУ и которых он знал с хорошей стороны. Н. Ф. Бабушкина он ценил за его статью о “Демоне” Лермонтова, а М. И. Мальцева знал по Саратову, как ученика Ю. Г. Оксмана, у которого Михаил Иванович написал кандидатскую диссертацию о Шишкове.

Обратив внимание на то, что я, спрашивая о своих будущих коллегам, настойчиво интересуюсь прежде всего их даровитостью, талантом, Григорий Александрович сказал слова, которые я потом очень часто по разным поводам вспоминала: “В коллеге самое главное — доброжелательность, честность и совесть”.

Уже будучи в Томске, летом 1950 года я узнала, что Г. А. Гуковский был арестован и скоропостижно скончался в тюрьме.

II

Огромный, неизгладимый след как учёный и педагог оставил в нашей жизни Б. М. Эйхенбаум. У Бориса Михайловича я училась в спецсеминаре на 3-м и 4-м курсах, писала под его руководством дипломную работу на тему “Эволюция лирики Лермонтова”. Он позвал меня к себе в аспирантуру и предложил интересовавшую его в связи с Лермонтовым тему о любомудрах: “Литературная и общественная позиция “Московского Вестника”. Может быть, он посоветовал мне это, заметив мой интерес к философским аспектам эстетики.

Борис Михайлович читал нам ряд спецкурсов, прямо отражавших его научные интересы: “Творческий путь М. Ю. Лермонтова”, “Война и мир” Л. Н. Толстого”, “Проблемы текстологии”. Спецкурсы вводили нас, студентов 3, 4 курсов, в его сложную методологию изучения художественного творчества. Поражала высочайшая культура исследования, когда для изучения художественного произведения прошлого он “держал” фоном всю систему философских, исторических, религиозно-нравственных, общественно-утопических и научных теорий. Только на таком фоне, — по убеждению Бориса Михайловича, — могут выступить “подлинные исторические смыслы” художественного произведения данного времени.

Виднейший теоретик и историк литературы, Борис Михайлович не чурался кропотливой черновой работы, увлечённо занимался текстологией, вместе с Б. В. Томашевским и К. Халабаевым он подготовил к изданию десятки классиков. Учеников своих Борис Михайлович приучал к текстологическим исследованиям, к работе с черновиками, вариантами, показывая на конкретных примерах своих изысканий сложный процесс работы, когда часто от изменения смысла одного слова менялся замысел произведения, его идейно-художественное целое. Думается, что эта увлечённость текстологией глубоко запала в души его учеников. Мне эти уроки в дальнейшем помогли в исследовании творчества А. Бестужева, библиотеки В. А. Жуковского.

Борис Михайлович — педагог — особая тема, требующая специального исследования. Как учитель, он не терпел поверхностного скольжения, всякой приблизительности, размытых, неточных слов. Он был прирождённый педагог, любил передавать свой опыт, свои знания молодым, был бесконечно щедр, любил обстановку обсуждения и споров. Он ненавидел внешнюю красоту, рисовку, чванство, был мягок и расположен к людям.

Ученикам Борис Михайлович всегда передавал дух своей молодости, весёлого, тонкого юмора. По собственному признанию, жил он убеждением: человек молод до тех пор, пока живёт чувством исторической стихии и на нём строит свою жизнь. Это нессяаемое “чувство исторической стихии” помогало Борису Михайловичу выжить в тру-

дную пору борьбы с “формализмом”, “космополитизмом”, “преклонением перед Западом”. О тех из своих коллег, кто поступался совестью в угоду конъюнктуре, он говорил: “Ну и задаст же им когда-нибудь История. Только когда?...” Может быть, эта вера в неизбежность (в конечном счёте) справедливого суда истории, в неотвратимость “новой исторической стадии” определяли гармоничность, доброжелательность и высокую честность Бориса Михайловича, его спокойное отношение к своим оппонентам, которых у него было предостаточно. С чувством достоинства и мягкой иронии он отвечал тем, кто с поразительной верхоглядностью налетал на его “ошибки”: “Ошибки Эйхенбаума, — парировал он, — это тема докторской диссертации”.

Борис Михайлович всегда ощущал высокий нравственно-философский потенциал художественной литературы. Он говорил, что проблемы литературы не в создании положительного героя, а в соотношении доброго и злого, высокого и низкого. Исследуя высокую классику, Борис Михайлович видел в ней важнейшее средство воспитания совести, человечности. Это, по его мнению, было важнейшей предпосылкой переустройства общественной жизни (здесь он полностью полагался на Л. Н. Толстого).

Я очень хорошо помню проникновенное выступление Б. М. Эйхенбаума в марте 1946 года в Ленинградском Доме писателя на вечере, посвящённом творчеству А. А. Ахматовой. Это был удивительный праздник поэзии. Пафос тонкого ценителя художественного слова сливался с вдохновенным чтением стихов самой Анной Андреевной и создал необыкновенную атмосферу праздника высокой художественной культуры. А. А. Ахматова в чёрном бархатном платье с ниткой жемчуга олицетворяла собой спасительную преемственность поэтических культур XIX и XX веков. Об этом говорил Борис Михайлович в своём слове, и она, по-видимому, с доверием и интересом отнеслась к словам маститого литературоведа.

Однако и для неё, и для её исследователя этот вечер оказался роковым. Вскоре вышло печально известное постановление ЦК о журналах “Звезда” и “Ленинград”, перевернувшее всё в судьбе и Анны Андреевны, и Бориса Михайловича. Отстранённый от работы в университете, где он заведовал кафедрой, и в Пушкинском Доме, оставшийся почти без всяких средств к существованию, Борис Михайлович тем не менее не покаялся, хотя это одно могло спасти его. На заседании Правления Союза писателей 19 августа 1946 года он сказал: “Было бы никому не нужной ложью, если бы я сказал, что мне легко и приятно то, что сказано об Ахматовой и Зощенко”. Как очень справедливо сказал об Эйхенбауме И. Андронников, Борис Михайлович был “принципиален, честен и прям”.

Борис Михайлович всегда зорко следил за событиями сегодняшнего дня. Он в глубине души очень тяжело переживал сталинизм, понимая его губительность для страны. Вспоминаю, как однажды, молодая и недалёкая в делах политики, я пришла к нему, возбуждённая после спектакля “Великий государь” в театре им. А. С. Пушкина, в котором восхвалялся Иван Грозный и оправдывалась его беспредельная жестокость, даже убийство сына. Борис Михайлович как-то отчуждённо, холодно, с несвойственными ему жёсткими нотами в голосе сказал: “Это ведь откровенная спекуляция”.

Вера в творческий труд и в то, что история всё поставит на своё место, поддерживала Бориса Михайловича. Свои лучшие труды он написал в 50-е годы, писал их с невероятным интеллектуальным напряжением и верой в большую научную и нравственную силу своих

слов о Лермонтове, Толстом, Лескове, Пушкине.

Навсегда запомнилось остроумие Бориса Михайловича, его шутки и каламбуры, его юмористические стихи. Например, прослушав оперу С. Прокофьева “Война и мир” с оркестром под управлением С. А. Самосуда, Борис Михайлович резюмировал свои впечатления так: “Это самосуд над Толстым”. Проводя научное заседание о Ломоносове, где с докладом должен был выступать П. Н. Берков, предложивший назвать свой труд “Ломоносов и мы”, Борис Михайлович, улыбаясь, уточнил: “Ну что ж, так и назовём: Ломоносов и вы”.

Прощаясь с Борисом Михайловичем перед отъездом в Томск, я получила от него благословение и напутствие не забывать свою школу, “пребыть верной”. Больше я не встречалась со своим учителем.

III

Мои воспоминания и раздумья о моих учителях будут неполными, если я не скажу ещё хотя бы о двух профессорах Ленинградского университета, оказавших огромное влияние на своих учеников. Речь идёт о П. Н. Беркове и М. П. Алексееве. Они, к счастью, прожили большую жизнь и уже после ухода из жизни Гуковского и Эйхенбаума оказались наставниками, повлиявшими на мою томскую жизнь, а следовательно и на жизнь нашей кафедры в 60–70-е годы. Но обо всём по порядку.

П. Н. Берков читал нам курс истории русской литературы XVIII века в весеннем семестре 1940–41 учебного года. До него этот курс читал Г. А. Гуковский. И мы, нужно сказать, с некоторой настроженностью ожидали другого профессора. Но вот вошёл в аудиторию лёгкой стремительной походкой молодой, красивый, с осанкой потомственного русского интеллигента П. Н. Берков. Он завоевал наше доверие к себе сразу. Это и блестящая речь, и удивительная память, позволявшая держать в сознании сотни разнообразных фактов русской и мировой литературы и культуры, и умение глубоко чувствовать самые сложные и поразительные связи явлений. В русскую литературу XVIII века, в её историю, философию, культуру Павел Наумович вошёл как власть имущий. Он был всемирно признанный исследователь, перу которого принадлежали многие десятки новаторских исследований о литературе XVIII века — от обширнейших обобщающих монографий до сотни уточняющих или открывающих новые факты заметок.

На просеминарии Павла Наумовича мы обучались технике литературоведческого труда. Не жалея времени, Павел Наумович учил нас делать первые шаги по библиографированию, составлению конспектов, изучению истории вопроса. От каждого из нас он требовал фактической достоверности, решительно не принимал неряшливости, неточных формулировок, не аргументированных широковещательных заявлений, учил не бояться “трудных тем”, любил повторять, что “наука движется от известного к неизвестному”. Направляя энергию студентов на разыскание новых фактов, он хотел, чтобы в каждой работе были хотя бы маленькие открытия. Но более всего Павел Наумович учил своей деятельностью профессора, своими обширными знаниями, за которыми угадывался огромный непрерывный творческий труд, который, как мы очень рано поняли, был сутью его жизни.

Экзамен по курсу истории русской литературы XVIII века мы сдавали 21 июня 1941 года накануне начала Великой Отечественной войны. Затем была эвакуация, и мы вынуждены были разъехаться в разные края. Павел Наумович продолжал свою деятельную научную

жизнь в Киргизии, а университет в марте 1942 года эвакуировался в Саратов.

Встретились мы, его студенты, лишь в 1944 году, когда после снятия блокады мы вернулись в Ленинград. Здесь мы ещё раз воочию убедились, что такое феноменальная память Беркова. Увидев нас, расчищающих траншею перед университетом, Павел Наумович со свойственной только ему одному приветливостью подошёл к нам и не только узнал, но каждого назвал по имени и фамилии, а ведь прошло три года.

Совершенно особое впечатление на всю жизнь оставил спецкурс по источниковедению, который Павел Наумович прочёл нам — уже аспирантам — в своей домашней библиотеке в доме на улице Глинки. С благодарностью и восхищением говорил он о лучших справочных изданиях. А. В. Мезьер, И. В. Владиславлев, А. Г. Фомин, И. И. Мазуев представляли в рассказе Павла Наумовича как яркие личности и даже как поэты. Очень наглядно и конкретно раскрывался перед нами процесс литературоведческого разыскания, связанный с большим трудом, терпением, научной пытливостью. В этой, казалось бы, будничной работе Павел Наумович видел свою поэзию. С восторгом говорил он о библиографической эвристике и библиографическом литературоведении. Из этих занятий выросла его книга «Введение в технику литературного исследования», Л., 1955 г.

Всё это имело особый смысл для нас ещё и потому, что каждый из нас знал Павла Наумовича как человека широчайшей культуры и уникального образования, в совершенстве знавшего классическую филологию, египтологию, германистику, многие и многие языки.

Интересен, например, такой факт. Однажды на юбилее И. М. Тронского Н. Я. Боровский преподнёс юбиляру стихотворное посвящение на латинском языке. Здесь же на торжественном заседании, пока выступали другие ораторы, Павел Наумович перевёл это приветствие на русский язык в стихах и прочёл его собравшимся.

Напутствуя меня перед отъездом в Томск, Павел Наумович сказал мне, что еду я в хороший университетский город и должна служить ему, как он служил Киргизии, исследовать литературу и культуру края и главное — настойчиво рекомендовал заняться изучением ценнейшей библиотеки Томского университета. Впоследствии, когда я по его просьбе привезла ему очень добротный каталог Научной библиотеки, он, обрадованный этим приобретением, убеждал меня в необходимости исследования коллекции книг библиотеки В. А. Жуковского, говоря, что очень многое слышал о её уникальности от М. П. Алексеева.

И в дальнейшем П. Н. Берков продолжал оставаться моим наставником и вдохновителем. Благодаря ему я, а впоследствии и мои ученики, установили прочные контакты с ИРЛИ (Пушкинским Домом) — секторами XVIII века и новой русской литературы, а впоследствии с группой пушкиноведения. Он настойчиво советовал мне обсуждать свои рукописи (я тогда исследовала художественную прозу Н. М. Карамзина) на научном семинаре сектора XVIII века ИРЛИ. Павел Наумович присылал мне многие свои книги, познакомил меня с ведущими учеными Пушкинского Дома, с некоторыми из которых у меня установились прочные научные связи.

У меня сохранилось несколько писем Павла Наумовича 60-х годов, в которых эта забота учителя о моём научном росте хорошо ощущается. Так, в письме от 20 февраля 1962 года после несостоявшейся (по моей вине — болезнь отца) встречи в Москве Павел На-

умович написал мне: “Дорогая Фаина Зиновьевна! Мы ... были очень огорчены, не встретившись с Вами в Москве 5 - 7. II. Ваше вчера привезенное мне из Ленинграда письмо объяснило причины этой не-встречи. Рад, что Вашему отцу легче.

На 23 февраля у нас уже назначен доклад И. З. Сермана. Ваш, если Вы сможете приехать в Ленинград, мы поставим в качестве вне-очередного на любое для Вас подходящее время. Это может быть и в начале марта, и не обязательно в последнюю пятницу.

Ответ на это письмо, если он последует, прошу отправить по комаровскому (см. выше), а не ленинградскому адресу: мы живём всей семьёй в Комарове, а в Ленинграде бываем несколько раз в неделю, и ненадолго. Если приедете в Ленинград, постарайтесь позвонить к нам (на ленинградскую квартиру, т. А-3-00-53). Если никто не ответит, черкните нам открытку в Комарово — она будет у нас на следующий день, не позже.

Сердечный привет Вам от С. М. [Софья Михайловна — жена, большой друг и соратник Павла Наумовича — Ф. К.] и меня. Искренне Ваш. П. Берков”.

Сохранились у меня и другие знаки его пристального и заинтересованного ко мне внимания. 22 марта 1966 года он пишет следующую записку: “Дорогая Фаина Зиновьевна! Очень жалею, что 14 марта не видел Вас в ИРЛИ и не мог передать книги. Я оставил её Н. Д. Кочетковой в надежде, что ей больше посчастливится, но и она Вас не нашла. Посылаю Вам книгу по почте и прошу не забывать искренне уважающего и преданного Вам П. Беркова”.

Павел Наумович строго следил за тем, чтобы я принимала участие во многих конференциях, организованных сектром русской литературы XVIII века ИРЛИ и по возможности чаще публиковала свои статьи в сборнике “XVIII век”.

Говоря о П. Н. Беркове, необходимо отметить ещё одну особенность. Высочайший авторитет ученого, университетского профессора зиждется, как говорил Ю. М. Лотман, на “безусловном доверии к его научной и человеческой этике”. Павлу Наумовичу, как и многим его коллегам, пришлось жить и работать в тяжёлое и противоречивое время. Но в самые сложные периоды своей жизни он сохранял важнейшие черты русского интеллигента — он никогда не поступался высокой честью учёного. Он помогал и защищал людей даже тогда, когда это было опасно, но иначе он не мог.

Мне на всю жизнь запомнился Павел Наумович и его выступление, связанное с конфликтной ситуацией, возникшей на защите моей кандидатской диссертации в ноябре 1948 года. Тема работы — “Литературная и общественная позиция “Московского вестника”. Это журнал любомудровцев молодых шелленгенеевцев Д. В. Веневитинова, С. П. Шевырёва, И. З. Киреевского и др. Активное участие в журнале принимал А. С. Пушкин (1827–1830). Тема, которую мне предложил, как указывалось выше, мой научный руководитель Б. М. Эйхенбаум и над которой я с удовольствием работала, была в конце 40-х годов опасной. Но защита состоялась и после весьма положительной оценки моих официальных оппонентов, Г. А. Гуковского и П. Н. Беркова, выступил московский аспирант В. Архипов, работавший над диссертацией по А. Бестужеву. Он резко осудил меня за то, что в своей работе я не достаточно учитываю общественную борьбу в литературе, исповедую так называемую теорию “единого потока” истории и литературы и позволяю себе сближать позицию любомудров и Пушкина и даже, что совсем “преступно”, — любомудров с декабристами. “Ведь

Ленин, — говорил В. Архипов, — утверждал, что декабристы разбудили Герцена. Причём же здесь Любомудры?...”

В мою защиту выступили Н. И. Мордовченко, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, В. М. Жирмунский; второй раз выступили официальные оппоненты. Возражая Архипову, Павел Наумович сказал знаменитые слова, которые я потом много раз повторяла своим ученикам: “Подинная культура объединяет, а не разъединяет; не понимая этого, мы обязательно зайдём в тупик”.

Павел Наумович любил шутку, посвящал своим коллегам весёлые четверостишья. Например, Г. А. Гуковскому:

Гуковский Григорий,
Гуковский Григорий.
Садитесь и пейте
Без всяких теорий.

Или Г. А. Бялому, одному из самых блистательных лекторов:

Кто новый наш Орфей?
Кто словом двинет скалы?
Профессор Бялый!

Хотелось бы два слова сказать о замечательном доме Павла Наумовича и Софьи Михайловны Берковых на 13-й линии Васильевского острова. Это был деревянный особняк, который они занимали вместе с Г. А. Гуковским. С трепетом мы подходили к этому дому, уютному, хлебосольному, открытому для всех учеников Павла Наумовича. Здесь в гармоничной сердечной человеческой атмосфере, душой которой была обаятельная и приветливая Софья Михайловна, было хорошо всем.

IV

М. П. Алексеев, профессор, академик, Почётный член многих европейских Академий, читал нам лекции по зарубежной, преимущественно английской, литературе. Огромное влияние на нас, студентов русского отделения, он оказал уже в конце нашего пребывания в университете, в аспирантские годы. В ту пору он один из немногих, обладая бесспорным признанием мировой научной общественности, мог противостоять затхлой атмосфере, царившей в ЛГУ 50-х годов, отстаивал честь многих учёных, помогая им в их научной деятельности и жизни. В мои аспирантские годы Михаил Павлович был деканом факультета и в этом качестве активно участвовал в распределении аспирантов на работу. Он убеждённо говорил мне после защиты кандидатской диссертации: “Если уж уезжать из Ленинграда, то только в Томск” (мне на выбор предлагалось несколько городов Советского Союза). Он первый со всей серьёзностью заговорил о библиотеке Жуковского, о необходимости её изучения. Он же прекрасно понимал, что для такого изучения необходимо вырастить на кафедре серьёзных исследователей с хорошей и разносторонней филологической подготовкой.

В 20-е годы М. П. Алексеев, в иркутский период своей деятельности, приезжал в Томск и работал в Научной библиотеке Томского Университета, изучил её печатный каталог и, естественно, обратил серьёзное внимание на личную библиотеку Жуковского. Сам он, работая в Томске, нашёл книгу из библиотеки Вольтера с его пометками и написал о ней увлекательное исследование. Именно М. П. Алексееву ещё в канун 40-х годов принадлежала идея глубокого всестороннего исследования уникального материала, таящегося в книгах В. А. Жуковского.

9. Вестник ТГУ. Гуманитарный специальный выпуск. Январь 1998.

Изучение библиотеки Жуковского на кафедре русской и зарубежной литературы ТГУ началось в 1974 году. А в 50–60-е годы М. П. Алексеев, также как и П. Н. Берков, следил за работой нашей кафедры, посылал мне свои книги, оказал огромную помощь в подготовке и защите моей докторской диссертации. Привожу одно из сохранившихся писем М. П. Алексеева от 17 октября 1971 года, посланное мне сразу после утверждения моей диссертации ВАКом.

“Ленинград В-34. 7-я линия, д. 2, кв. 3. 17. X. 1971.

Дорогая Фаина Зиновьевна.

Искренне рад возможности поздравить Вас с утверждением в ученой степени доктора! Желаю Вам и в этом новом качестве проявлять столь же энергично и со столь же доброй инициативой всевозможные начинания в области нашего литературоведения, которое всё больше и больше нуждается в таких исследователях, как Вы!

У нас всё по-старому... В сентябре снова побывали вместе с Ниной Владимировной в Париже (на совещании Международного комитета славистов), а теперь с огорчением ожидаем прихода зимы, несущего с собой гриппы и кашли... Посылаю Вам только что вышедший “Временник” Пушкинской комиссии, а то он не скоро дойдёт до Вашего города.

Сердечный привет. Ваш М. Алексеев”.

Когда в Томском университете в 1974 году образовалась группа исследователей библиотеки В. А. Жуковского, М. П. Алексеев явился её вдохновителем и неутомимым консультантом. Рукописи отдельных законченных томов монографии “Библиотека В. А. Жуковского в Томске” обсуждалась в Пушкинском Доме при непосредственном участии М. П. Алексеева. Его анализ ряда центральных глав монографии, его замечания, подчас серьёзные, представляли собой целую программу дальнейшей работы коллектива над сложным, разнородным материалом. После каждого обсуждения очередного тома Михаил Павлович приглашал нас к себе домой, обсуждал с нами уже у себя в кабинете сложнейшие проблемы рецепции, атрибуции и издания многочисленных материалов библиотеки Жуковского. Труды М. П. Алексеева, отмеченные высокой исследовательской культурой, его оригинальная концепция русско-зарубежных литературных связей во многом направляли наш труд. Тем более, что в центре этого изучения была фигура В. А. Жуковского, “Коломба русского романтизма”, творчество которого убедительно свидетельствует о том, сколь важным фактором развития национального искусства является взаимодействие и взаимосвязь литератур.

Как известно, труд наш увенчался успехом и Государственной Премией РФ (1991 г.), которую мы по праву должны разделить с учеными Пушкинского Дома В. Н. Купреяновой, Р. В. Иезуитовой, Г. М. Фридлендером, В. Э. Вацура, Ю. Д. Левиным, Н. Д. Кочетковой и др. во главе с М. П. Алексеевым.

В Томском университете авторитет В. Я. Проппа, Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, П. Н. Беркова, М. П. Алексеева В. М. Жирмунского, Г. А. Бялова и вообще петербургской филологической школы исключительно высок. И если я по-настоящему счастлива, то, наверное, в том, что мне удалось передать своим ученикам чувство пиетета перед этой уникальной школой, сохранить, в меру наших сил, неразрывные преемственные связи с её традициями.